

СЕРДЦЕ

Повесть

I

Податливое дерево радует умную руку мастера.

Прилавок готов, плоскости его, вылизанные каленым языком рубанка, сошлись чудеснейшими прямыми углами. Он ждет покраски и полировки. Полки сияют свежей белизной; утренний бледно-золотой луч пересчитал их наискось и зарылся в вороха нежной стружки. Здесь светлее, чем на улице. Кисловатый аромат побелки исходит от стен и потолков. Широкие витрины забрызганы мелом, залеплены газетами, но утро могуче льется сквозь сетку шрифта и затопляет все.

В гулкой сияющей пустоте я шуршу ногами по розовым стружкам, перескакиваю через груды теса. В заднем отделении сам Пузырьков. Он елозит на коленях по полу с желтым складным аршином, меряет тонкие тесины, поминутно доставая из-за уха карандашик, чтобы сделать отметку. Он оглядывается на меня, но не здоровается. На плечах, на картузе и даже на рыжих усах у него опилки.

- Здравствуйте, Пузырьков. Где же все ваши ребята?

Он смотрит в сторону, что-то высчитывая; губы его шевелятся. Что это он?

- Вы что же один, Пузырьков? Где артель?

Пузырьков нагибается над аршином:

- Артель-то? Артель нынче не вышла. Всем гуртом к вам в контору пошли, деньги востребовать. На меня больше не располагают. Ты, говорят, хоть и староста, а тетеха, пень трухлявый, не умеешь с этой сволочью, с дуракатами, разговаривать. Это, то-есть, с вами. Ну, а я молчу, потому-что правильно говорят... Вот и не вышли.

Я смотрю на Пузырькова с изумлением. Странно, ведь я еще третьего дня Гиндину говорил, чтобы выдал половину.

- Чего ж так уставились, Александр Михалыч? - продолжает Пузырьков наставительно, - он уже встал с пола и отряхивает мешковый фартук. - Хватит с нами шутки шутить. Чай, не на митинге с вами рассусоливаем, а состоим в коммерческом контракте. Договорчик есть? Есть. Марки приклеены? Приклеены. Значит, работа сделана - денежки на стол. А ведь мы третий магазин вам отделяваем, денег же не видали, как кобыла задницы. Каждый день хожу, и все - через неделю да завтра, завтра да через неделю. Больше сапогов собьешь. А еще каператив! Только измываются над трудящей публикой.

- Это недоразумение, Пузырьков. Деньги вам выписаны, я сейчас же распоряжусь. А артели скажите, что несознательно поступают. Знают, что работа спешная - к празднику открытие, а они дело бросают. Деньги вы сегодня получите, но, пожалуйста, подгоните, чтобы не волюнили.

- Подгони, подгони, - ворчит Пузырьков, берясь за пилу, - подгонять-то рублем надо, а не разговором.

Очень досадна эта волынка. Каждый день вот так. Идет, идет дело, - в сущности не плохо идет, - и вдруг - стоп. Телефонные объяснения, упрасивания, грустные размышления над векселями...

С раздражением смотрю на упрямую широкую спину Пузырькова в синей линиялой рубаше. Пила визжит надсадно. А он уже подобрел и говорит сокрушительно:

- Эх, Александр Михалыч, милый товарищ Журавлев. Не подумайте, что я на вас лично серчаю. Скоро полгода, как с вами работаем, и действительно вижу - человек вы уж не молодой, без ветру, делом интересуетесь, вникаете во всякую тютельку. День у вас колесом идет. Не на вас мы обижаемся, а на сподручных ваших. Дело у вас серьезного размера, а оптиков при деле нету.

- Каких это оптиков?

- Оптиков, ну, одним словом, опытных людей... Понабрали вы студентов, барышень тоненьких или мастеровых, вроде нашего брата, а разве этот народ может состоять в торговом обороте? Бывало к этой хитрости с издетства приучались, зато уж выходили серые волки. Только зубом щелканет, хап - и тысяча. Потому интерес имели к операциям, и порядок был, распорядительность; покупатель ходит, как блаженный, озарен улыбкой, а перед ним так и вьются... Вот и нонче тоже. Возьмем частного...

Пузырьков принимается не спеша рассказывать, как отделявали склад у частного, и, хоть объегорил на полцены, зато посулами не морил и еще всей артели с почтением поднес по стакашке.